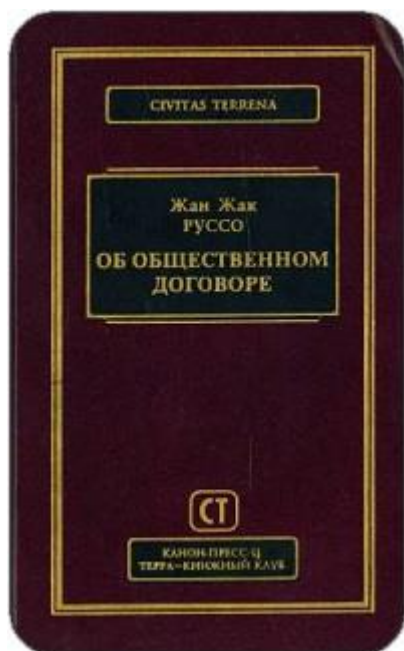

Жан Жак Руссо. Об общественном договоре

Книга представляет собой сборник пяти общественно-политических трактатов великого французского философа, родоначальника теоретической социологии Жана Жака Руссо и адресована всем читателям, интересующимся вопросами философии истории, социологии и социальной теории. Я был удивлен некоторыми воззрениями Руссо, особенно его любовью к «естественному» первобытному человеку.

Жан Жак Руссо. Об общественном договоре: Трактаты. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 544 с.

На момент публикации заметки книга не доступна в основных Интернет-магазинах

Рассуждение, получившее премию дижонской академии в 1750 году по вопросу, предложенному этой же академией: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?»

Европа уже опять впадала в варварство первых веков. Нужен был переворот, чтобы опять привести людей к здравому смыслу. С падением трона Константина¹ обломки Древней Греции были перенесены в Италию. Франция в свою очередь обогатилась от этих драгоценных останков. Вскоре за литературою последовали науки.

Ныне, когда более хитроумные ухищрения и более тонкий вкус свели искусство нравиться к определенным принципам, в наших нравах воцарилось низкое обманчивое однообразие, и все умы кажутся отлитыми в одной и той же форме: вежливость без конца чего-то требует, благопристойность приказывает, мы без конца следуем обычаям и никогда — собственному своему разуму.

До того, как искусство обтесало наши манеры и научило наши страсти говорить готовым языком, нравы у нас были грубые и простые, но естественные, и различие в поведении с первого взгляда говорило о различии характеров. Человеческая природа, в сущности, не была лучшею, но люди видели свою безопасность в легкости, с какою они понимали друг друга, и это преимущество, ценности которого мы уже не чувствуем, избавляло их от многих пороков.

Я люблю, — говорит Монтень, — собеседование и спор, но лишь с немногими и в тесном кругу. Ибо служить зрелищем для великих мира сего и выставлять напоказ свой ум и умение болтать я считаю делом вовсе неподобающим для порядочного человека

¹ Имеется в виду захват в 1453 г. турками-османами Константинополя, основанного римским императором Константином.

Наши души развратились по мере того, как шли к совершенству наши науки и искусства. Можно ли сказать, что это несчастье свойственно лишь нашему веку? Нет, господа, беды, вызванные нашим ненужным любопытством, стары, как мир. Возьмите Египет. Эта страна становится матерью философии и изящных искусств, и вскоре после этого — завоевана Камбизом. Возьмите Грецию, некогда населенную героями, которые дважды одолели Азию, один раз у Трои, а другой — у собственных своих очагов. Но развитие искусств, разложение нравов и иго македонца последовали непосредственно одно за другим.

В Азии есть огромная страна, где литература в почете и ведет к самым высоким должностям в государстве. Если бы науки очищали нравы, если бы учили они людей проливать кровь за свое отечество, если бы внушали они мужество, то народы Китая должны были быть мудрыми, свободными и непобедимыми. Но, ни познания министров, ни так называемая мудрость законов, ни многочисленность жителей этой обширной империи не смогли ее оградить от ига невежественного и грубого монгола.

Противопоставим этому картину нравов немногочисленных народов, которые, предохранив себя от этой заразы ненужных знаний, своими добродетелями создали собственное свое счастье и явили собою пример для других народов. Таковы были древние персы, скифы. Таковы были германцы; перо рисовало их простоту, невинность и добродетели.

С тех пор, как среди нас начали появляться ученые, добродетельные люди сокрылись.

Древнее предание, перешедшее из Египта в Грецию, говорит, что тот из богов, который был врагом людского покоя, был изобретателем наук (не похоже, чтобы греки, приковавшие Прометея на Кавказе, думали о нем сколько-нибудь лучше, чем египтяне о своем боге Тоте).

Еще худшее зло несут с собою литература и искусство. Такое зло — роскошь, рожденная, как и они, из праздности и людского тщеславия. Долговечность империй зиждется на добрых нравах, а роскошь представляет собою диаметрально противоположность добрым нравам. Политики древности беспрестанно говорили о нравах и о добродетели; наши — говорят лишь о торговле и о деньгах.

У нас есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, художники — у нас нет больше граждан; и если они еще и остались, рассеянные по нашим глухим деревням, то погибают там в бедности и пренебрежении.

Я вовсе не хочу приводить рискованное сравнение между земледелием и философией: этого никто бы не поддержал. Я только спрошу: что такое философия? что содержат писания наиболее известных философов? каковы уроки этих друзей мудрости? Если их послушать, разве нельзя их принять за толпу шарлатанов, что кричат каждый свое на общественной площади: идите ко мне, только я один никогда не ошибаюсь? Один утверждает, что тел вообще нет в природе и что все есть мое представление о них; другой, — что нет ни иного вещества, кроме материи, ни иного бога, кроме вселенной.

Если и нужно позволить некоторым людям посвятить себя изучению наук и искусств, то лишь только тем, кто почувствует в себе силы, чтобы самостоятельно идти по стопам Бэкона, Декарта и Ньютона, и опередить их.

Пусть же короли не гнушаются допускать в свои советы людей более всего способных быть для них хорошими советчиками; пусть откажутся они от этого давнего предубеждения, порожденного гордынею вельмож, что искусство править народами труднее, чем искусство их просвещать; будто легче заставить людей поступать хорошо по собственному желанию, чем принуждать их к тому же с помощью силы; пусть первоклассные ученые получают при дворе почетный кров; пусть они получают там единственную достойную их награду: возможность содействовать своим влиянием счастью народов, которые они научат мудрости; лишь тогда увидят люди, на что способны добродетель, наука и власть, возбуждаемые духом благородного соревнования и действующие в согласии на благо человеческого роду. Но до тех пор, пока с одной стороны будет только власть, а с другой — только знания и мудрость, ученые редко будут думать о великих вещах, государи будут совершать хорошие поступки еще реже, а народы будут все так же порочны, испорчены и несчастны.

Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми

Женевской республике. Так как я имел счастье родиться среди вас, позвольте воздать своему отечеству почести, которые оно могло бы открыто принять. Я бы хотел, чтобы никто в Государстве не мог ставить себя выше Закона, и чтобы никто извне не мог навязать никакого закона, который обязано было бы признать Государство. Я никак не хотел бы жить в Республике, недавно образовавшейся, как бы хороши ни были ее законы, из опасения, что форма Правления, не соответствовала бы новым гражданам или граждане не соответствовали бы новой форме Правления, и Государству грозили бы потрясения и гибель.

Народы, уже привыкшие иметь повелителей, больше не в состоянии обходиться без них. Если они пытаются свергнуть иго, то еще больше удаляются от свободы, так как принимают за свободу безудержную распущенность; такие перевороты почти всегда отдают этих людей в руки соблазнительей, которые только отягчают их цепи.

Я попытался бы найти страну, где право законодательства принадлежало бы всем гражданам, ибо кто может знать лучше самих граждан, при каких условиях подобает им жить совместно в одном и том же обществе? С другой стороны, я желал бы закрыть дорогу своекорыстным и плохо понятным законопроектам и опасным нововведениям, которые, в конце концов, погубили афинян, и чтобы поэтому не всякий имел возможность предлагать новые законы, когда и как ему заблагорассудится. Чем больше размышляю я о вашем политическом и гражданском положении, тем меньше могу я себе представить, что может быть в природе лучшее положение дел человеческих.

Предисловие. Наиболее полезным и наименее продвинувшимся из всех знаний²¹ человеческих мне представляется знание человека, ибо как познать источник неравенства между людьми, если не начать с познания их самих? и как удастся человеку увидеть себя таким, каким создала его природа, через все те изменения, которые должна была произвести в его изначальной организации последовательная смена времен и вещей, и отделить то, что было ему присуще с самого начала, от того, что обстоятельства и развитие прибавили к первоначальному его состоянию или изменили в нем?

Я вижу в человеческом роде два вида неравенства: одно, которое я называю естественным или физическим, потому что оно установлено природою и состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств; другое, которое можно назвать неравенством условным или политическим, потому что оно зависит от некоторого рода соглашения и потому что оно устанавливается или, по меньшей мере, утверждается с согласия людей. Это последнее заключается в различных привилегиях, которыми некоторые пользуются за счет других: как то, что они более богаты, более почитаемы, более могущественны, чем другие, или даже заставляют их себе повиноваться.

Часть первая

Так как тело дикого человека — это единственное известное ему орудие, он использует его и для многих таких целей, к которым наши тела, по недостатку упражнений, уже неспособны: самая наша изобретательность лишает нас той силы и той ловкости, которую дикого человека заставляла приобретать необходимость. Имей он топор, разве могла бы рука его ломать столь крепкие ветви? Имей он пращу, разве мог бы он с такою меткостью бросать камни рукою?

Гоббс утверждает, что человек от природы бесстрашен и ждет только случая нападать и сражаться. Заставьте медведя или волка сражаться с дикарем, крепким, ловким и храбрым, как и все они, вооруженным камнями и хорошей дубиной, и вы увидите, что опасность будет, по меньшей мере, взаимной и что после многих подобных опытов хищные звери, которые вообще не любят нападать друг на друга, неохотно станут нападать на человека, которого они сочтут столь же хищным, как они сами. Вот, без сомнения, те причины, по которым негры и дикари так мало тревожатся о том, что они могут встретиться в лесу с хищными зверями.

Что до болезней, я спрошу, есть ли какие-нибудь серьезные наблюдения, из которых можно было бы заключить, что в странах, где искусством медицины более всего пренебрегают, средняя продолжительность жизни человека меньше, чем в тех странах, где его насаждают всего заботливее?

У всякого животного есть свои представления, потому что у него есть чувства; оно даже до некоторой степени комбинирует свои представления, и человек отличается в этом отношении от животного лишь как большее от меньшего. Следовательно, специфическое отличие, выделяющее человека из всех других животных, составляет не столько разум, сколько его способность действовать свободно. Природа велит всякому живому существу, и животное повинуется. Человек испытывает то же воздействие, но считает себя свободным повиноваться или противиться, и как раз в сознании этой свободы проявляется более всего духовная природа его души.

Есть и другое, весьма характерное и отличающее человека от животного: это — способность к самосовершенствованию. Знание того, что такое смерть и ужасы ее — это одно из первых приобретений, которые человек делает, отдаляясь от животного состояния.

Сколькими представлениями обязаны мы употреблению речи; как изощряет и облегчает грамматика действия ума! Каких невообразимых усилий и какого огромного времени стоило впервые изобрести языки.

К тому же общие понятия могут сложиться в уме лишь с помощью слов, а рассудок постигает их лишь посредством предложений. Это — одна из причин, почему у животных не может образоваться таких понятий и почему они не смогут, когда бы то ни было приобрести ту способность к совершенствованию, которая от этих понятий зависит.

Дело с происхождением языка и общества, все же по тому, сколь мало природа позаботилась о сближении людей на основе их взаимных потребностей и об облегчении им пользования речью, видно, по меньшей мере, сколь мало подготовила она их способность к общезнанию и сколь мало внесла она своего во все то, что сделали они, чтобы укрепить узы общества.

Воздержимся заключать вместе с Гоббсом, что пока человек не имеет понятия о доброте, он от природы зол, что он порочен, пока не знает добродетели. Исходя из принципов, им же установленных, этот автор должен был бы сказать, что естественное состояние — это такое состояние, когда забота о нашем самосохранении менее всего вредит заботе других о самосохранении, и состояние это, следовательно, есть наиболее благоприятное для мира и наиболее подходящее для человеческого рода. Он, однако, утверждает, как раз противоположное, когда включает, весьма некстати, в то, что составляет заботу дикого человека о своем самосохранении, необходимость удовлетворять множество страстей, кои суть порождение общества и которые сделали необходимым установление законов.

Есть, впрочем, еще одно начало, которое Гоббс совсем упустил из вида — врожденное отвращение, которое человек испытывает при виде страданий ему подобного. Таков чисто естественный порыв, предшествующий всякому размышлению, такова сила естественного сострадания. Люди навсегда остались бы ничем иным, как чудовищами, если бы природа не дала им сострадания в помощь разуму (современная наука связывает это с наличием в мозгу зеркальных нейронов; подробнее см. [Крис Фрит. Мозг и душа](#)).

Сострадание — это естественное чувство, которое, умеряя в каждом индивидууме действие себялюбия, способствует взаимному сохранению всего рода. Именно оно внушает всем людям вместо этого возвышенного предписания: *Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобою*, то другое предписание доброты естественной, которое куда менее совершенно, но, быть может, более полезно, чем предыдущее: *Заботись о благе твоём, причиняя как можно меньше зла другому*.

Дикий человек, который, блуждая в лесах, не обладал трудолюбием, не знал речи, не имел жилища, не вел ни с кем войны и ни с кем не общался, не нуждался в себе подобных.

Неравенство, пусть даже естественное, имело в этом состоянии далеко не такие размеры и значение, как это утверждают наши писатели. Среди тех особенностей, которые составляют различие между людьми, многие считаются естественными, тогда как они являются лишь порождением привычек и различий в образе жизни, которые становятся свойственны людям в обществе.

Если мы сравним огромное разнообразие в способах воспитания и в образе жизни у людей различных разрядов в гражданском обществе с простотой и единообразием жизни животной и дикой, мы поймем, насколько менее значительными должны быть различия между людьми в

естественном состоянии, чем в общественном состоянии, и насколько должно увеличиться естественное неравенство внутри человеческого рода в результате неравенства, порождаемого общественными установлениями.

Узы рабства образуются лишь из взаимной зависимости людей и объединяющих их потребностей друг в друге, и потому невозможно поработить какого-либо человека, не поставив его предварительно в такое положение, чтобы он не мог обойтись без другого: положение это не имеет места в естественном состоянии, и потому каждый свободен в этом состоянии от ярма, а закон более сильного там не действителен.

Часть вторая

Первый, кто, огородив участок земли¹⁰², придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества.

Все начинает принимать иной вид. Люди, блуждавшие до сих пор в лесах, теперь уже ведут более оседлый образ жизни и понемногу сближаются, соединяются в разные стада и, наконец, образуют в каждой стране отдельный народ, объединенный нравами и обычаями, не какими-либо уставами и законами, а одинаковым образом жизни, одинаковым питанием и общим влиянием климата.

Тот, кто лучше всех пел или плясал, самый сильный, самый красивый, самый ловкий, самый красноречивый становился наиболее уважаемым, — и это было первым шагом одновременно и к неравенству, и к пороку. Из этих первых предпочтений родились, с одной стороны, тщеславие и презрение, а с другой — стыд и зависть. Согласно аксиоме мудрого Локка, *не может быть причинен ущерб там, где полностью отсутствует собственность*.

До тех пор, пока люди были заняты лишь таким трудом, который под силу одному человеку, и только такими промыслами, которые не требовали участия многих рук, они жили, свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько они могли быть такими по своей природе, и продолжали в отношениях между собою наслаждаться всеми радостями общения, не нарушавшими их независимость. Но с той минуты, как один человек стал нуждаться в помощи другого, как только люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи на двоих, — исчезло равенство, появилась собственность, труд стал необходимостью, и обширные леса превратились в радующие глаз нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета.

Искусство добывания и обработки металлов и земледелие явились теми двумя искусствами, изобретение которых произвело этот огромный переворот (подробнее см. [Джаред Даймонд. Ружья, микробы и сталь](#)).

Неизбежным следствием обработки земли был ее раздел, а как только была признана собственность, должны были появиться первые уставы правосудия. При таком положении вещей равенство могло бы сохраниться, если бы люди обладали одинаковыми дарованиями и, если бы, к примеру, использование железа и потребление продуктов питания постоянно находились в точном равновесии. Но соответствие, ничем не поддерживаемое, было вскоре нарушено: самый сильный производил своим трудом больше, чем другие, самый искусный извлекал большие выгоды из своей работы, самый изобретательный находил способы сократить затраты труда.

Нарождающееся общество пришло в состояние самой страшной войны: человеческий род, погрязший в пороках и отчаявшийся, не мог уже ни вернуться назад, ни отказаться от злосчастных приобретений, им сделанных. Богатый человек сказал: «Давайте объединимся, чтобы оградить от угнетения слабых, сдерживать честолюбивых и обеспечить каждому обладание тем, что ему принадлежит; давайте установим судебные уставы и мировые суды, с которыми все обязаны будут сообразоваться, которые будут нелицеприятны и будут в некотором роде исправлять превратности судьбы, подчиняя в равной степени могущественного и слабого взаимным обязательствам.

Наши политики изрекают о любви к свободе такие же софизмы, какие наши философы изрекали о естественном состоянии. На основании того, что они видят, они судят о совершенно других вещах, которые они никогда не видели, и приписывают людям естественную склонность к рабству,

потому что люди, которых видят они перед собою, терпеливо сносят это свое рабское состояние; они не задумываются над тем, что со свободой дело обстоит так же как с невинностью и добродетелью, цену которым ощущаешь лишь до тех пор, пока ими обладаешь, и вкус, к которым утрачиваешь, едва только их потеряешь.

Я буду рассматривать создание Политического организма как подлинный договор между народом и правителями, которых он себе выбирает, договор, по которому обе стороны обязуются соблюдать законы, в нем обусловленные и образующие связи их союза. Из природы договора мы увидим, что он не может быть *нерасторжимым*. Различные виды Правлений ведут свое происхождение лишь из более или менее значительных различий между отдельными лицами в момент первоначального установления.

Если один человек выделялся среди всех могуществом, доблестью, богатством или влиянием, то его одного избирали магистратом, и Государство становилось монархическим. Если несколько человек, будучи примерно равны между собою, брали верх над остальными, то этих людей избирали магистратами, и получалась аристократия. Те люди, чьи богатства или дарования не слишком отличались, и которые меньше других отошли от естественного состояния, сохранили сообща в своих руках высшее управление и образовали демократию.

При этих различных видах Правления все магистратуры были поначалу выборными. Честолюбивые начальники воспользовались различными обстоятельствами, чтобы сохранить навсегда свои должности за своими семьями. И, таким образом, правители, став наследственными, привыкли рассматривать свою магистратуру как семейное имущество, а самих себя — как собственников Государства.

Если мы проследим поступательное развитие неравенства, то обнаружим, что установление Закона и права собственности было здесь первой ступенью, установление магистратуры — второю, третью же и последнюю было превращение власти, основанной на законах, во власть неограниченную.

И среди всей этой безурядицы и переворотов постепенно поднимет свою отвратительную голову деспотизм; пожирая все, что увидит он хорошего и здорового во всех частях Государства, в конце концов, он начнет попирать ногами и законы, и народ и утвердится на развалинах Республики. С этой минуты не может быть больше речи ни о нравственности, ни о добродетели. Ибо повсюду, где царит деспотизм, он не терпит, наряду с собою, никакого иного повелителя; как только он заговорит, не приходится уже считаться ни с честью, ни с долгом, и слепое повиновение — вот единственная добродетель, которая оставлена рабам.

Это — последний предел неравенства. Однако, деспот остается повелителем лишь до тех пор, пока он сильнее всех, но как только люди оказываются в силах его изгнать, у него нет оснований жаловаться на насилие.

О политической экономии

Политический организм — это условное общество, обладающее волей, и эта общая воля, которая всегда направлена на сохранение и на обеспечение благополучия целого и каждой его части, и которая есть источник законов, является для всех членов Государства, по отношению к этим членам и к Государству, мерилom справедливого и несправедливого.

Было бы удобно разделить общественную экономию на народную и тираническую. Первая из них — это экономия всякого Государства, в котором между народом и правителями царит единство интересов и воли; вторая будет существовать неизбежно повсюду, где у Правительства и у народа будут различные интересы и, следовательно, когда стремления каждого из них будут противоположны. Основные правила этой последней экономии пространно записаны в архивах истории и в сатирах Макиавелли (подробнее см. [Никколо Макиавелли. Государь](#)).

Первый и самый важный принцип народного Правления состоит в том, чтобы во всем следовать общей воле. Другая едва ли меньшая трудность — это обеспечить одновременно и общественную свободу, и авторитет Правительства. Как можно заставить людей защищать свободу одного из них, не ущемляя свободы других? Одному только Закону люди обязаны справедливостью и свободой. И только Закон правители должны заставить говорить, когда они повелевают, ибо как только один человек пытается независимо от законов подчинить своей частной воле другого

человека, он тотчас же выходит из гражданского состояния и ставит себя по отношению к этому другому человеку в состояние чисто естественное, когда повиновение никогда не предписывается иначе, как силой необходимости.

При правильно устроенном Правлении никакое изъятие из действия Закона никогда не будет дароваться ни на каком основании. Граждане же, которые имеют заслуги перед отечеством, должны получать в вознаграждение за них те или иные почести, но никак не привилегии, ибо Республика уже накануне гибели, если кто-нибудь может подумать, что это хорошо — не повиноваться законам.

Сила законов зависит еще больше от собственной их мудрости. Потому-то Платон и рассматривает необходимость в начале эдиктов всегда помещать преамбулу, которая показывала бы их справедливость и пользу. В самом деле, первый из законов — это уважение законов; суровость наказаний — это лишь бесполезное средство, придуманное неглубокими умами, чтобы заменить страхом то уважение, которого они не могут добиться иным путем.

Настоящий государственный деятель утверждает свою достойную уважения власть не столько над поступками, сколько, в большей еще мере, над волею людей. Если бы он мог добиться того, чтобы все поступали хорошо, ему самому уже не оставалось бы ничего делать, и вершиною его трудов была бы возможность самому оставаться бездеятельным.

Таким образом, так же, как первый долг Законодателя состоит в том, чтобы привести законы в соответствие с общей волей, так и первое правило общественной экономии состоит в том, чтобы управление соответствовало законам.

Как, скажут мне, узнать общую волю в тех случаях, когда она никак не высказывалась? Правители хорошо знают, что общая воля всегда принимает сторону самую справедливую, так что нужно лишь быть справедливым, чтобы быть уверенным в том, что следуешь общей воле. В Китае государь, как правило, всегда и неизменно делает своих чиновников виновными во всех разногласиях, которые возникают между ними и народом. Если в какой-нибудь провинции вздорожает хлеб, интенданта сажают в тюрьму. Если в другой провинции возникает мятеж, то губернатора отрешают от должности, и каждый мандарин отвечает головою за всякую беду, что случится в его округе. Это не значит, что потом дело не расследуется по всем правилам в суде, но долгий опыт научил опережать таким образом его приговор. Здесь редко приходится исправлять какую-либо несправедливость; и император, убежденный в том, что народное недовольство никогда не бывает беспричинным, всегда различает среди мятежных криков, за которые он карает, справедливые жалобы, кои он удовлетворяет.

Второй существенный принцип общественной экономии — установление царства добродетели. Мы желаем, чтобы народы были добродетельны? так научим же их прежде всего любить свое отечество. Но как им его полюбить, если оно значит для них не больше, чем для чужеземцев, и дает лишь то, в чем не может отказать никому?

Если нам скажут, что справедливо, чтобы один погиб ради всех, я восхищусь таким изречением в устах достойного и добродетельного патриота, который обрекает себя на смерть добровольно и подчиняясь долгу ради спасения своей страны. Но если под этим понимают, что Правительству дозволено принести в жертву невинного ради безопасности многих, то я нахожу, что этот принцип — один из самых отвратительных.

Римляне превосходили все другие народы в уважении, которое у них Правительство оказывало отдельным людям, и в скрупулезном внимании к соблюдению неприкосновенных прав всех членов Государства. Не было у них ничего столь священного, как жизнь простых граждан; требовалось собрание всего народа, не менее, чтобы осудить одного из них. Даже сам Сенат и Консулы при всем их огромном значении не имели на это права.

Предлог «общественное благо» — это всегда самый опасный бич для народа. Самое необходимое и, быть может, самое трудное в Правлении это — строгая неподкупность, чтобы всем оказывать справедливость и в особенности, чтобы бедный был защищен от тирании богатого.

Удовлетворение общественных нужд — это третья существенная обязанность Правительства. Право собственности — это самое священное из прав граждан и даже более важное в некоторых

отношениях, чем свобода, потому, что собственность — это истинное основание гражданского общества и истинная порука в обязательствах граждан.

Первое, что должен сделать после установления законов основатель учреждений Республики, это — найти фонды, достаточные для содержания магистратов и прочих чиновников и для покрытия всех общественных расходов. Эти фонды называются фиск, если они в деньгах, общественный домен, если они в землях.

Самый важный принцип управления финансами: гораздо более усердно трудиться над тем, чтобы предупреждать нужды, чем над тем, чтобы увеличивать доходы. Если мы рассмотрим, как возрастают потребности Государства, мы увидим, что происходит это почти так же, как у отдельных людей: не столько в результате подлинной необходимости, сколько в результате роста бесполезных желаний; и часто расходы увеличивают лишь для того, чтобы иметь предлог увеличить сборы, так что Государство иногда выиграло бы, если бы обходилось без богатства, и это кажущееся богатство для него по сути более обременительно, чем сама бедность.

Можно, правда, надеяться сделать подданных более зависимыми, давая им одной рукою то, что взято у них другою, и это была бы политика, которую Иосиф применял по отношению к египтянам. Но этот пустой софизм тем более пагубен для Государства, что деньги не возвращаются в те же руки, из которых они вышли, и, исходя из подобных принципов, мы обогащаем лишь бездельников тем, что отбираем у людей полезных.

Вкус к завоеваниям — это одна из наиболее наглядных и подлинная побудительная причина здесь — не столько мнимое желание возвеличить нацию, сколько тайное желание увеличить внутри страны власть правителей посредством умножения численности войск и отвлечения умов граждан от других забот к военным делам.

Налоги не могут быть установлены законным образом иначе, как с согласия народа или его представителей. Обложения, которым подвергается народ, бывают двух видов: одно — вещественное, которое взимается с имущества, другое — личное, которое вносится с головы. Обложение с головы более свойственно состоянию рабства, а обложение вещей более подобает состоянию свободы.

Для того, чтобы обложение было справедливым и действительно пропорциональным, оно должно производиться не только в соответствии с размером имущества плательщиков, а на основе сложного соотношения различий в их положении и излишков их имуществ. Осмеливались даже говорить, что нужно возложить на крестьянина большее бремя, чтобы пробудить его от лени, и что он ничего не делал бы, если бы ему не нужно было ничего платить. Но опыт опровергает в отношении всех народов этот смехотворный принцип во всех случаях: в Голландии, в Англии, где землепашец платит очень мало, и особенно в Китае, где он не платит ничего, — там и земля лучше всего возделывается.

Посредством налогов, которые облегчали бы положение бедного и ложились бы всей своею тяжестью на богатство, только и можно предупреждать постоянное увеличение неравенства состояний, порабощение богатыми массы работников и бесполезных слуг, умножение числа праздных людей в городах и бегство из деревень.

Если, к примеру, Правительство может запретить пользование каретами, оно может, с еще большим основанием, ввести налог на кареты: средство мудрое и полезное для того, чтобы осудить пользование ими, не приказывая, однако, сие прекратить. Тогда можно смотреть на налог, как на своего рода штраф, доход от которого возмещает то зло, которое этим штрафом наказуется.

Об общественном договоре, или принципы политического права

Книга 1

Я хочу исследовать, возможен ли в гражданском состоянии какой-либо принцип управления, основанного на законах и надежного, если принимать людей такими, каковы они, а законы — такими, какими они могут быть. В этом исследовании я все время буду стараться сочетать то, что разрешает право, с тем, что предписывает выгода, так, чтобы не оказалось никакого расхождения между справедливостью и пользою.

Глава I. Предмет этой первой книги

Общественное состояние — это священное право, которое служит основанием для всех остальных прав. Это право, однако, не является естественным; следовательно, оно основывается на соглашениях.

Глава III. О праве сильного

Самый сильный никогда не бывает настолько силен, чтобы оставаться постоянно повелителем. Сила не творит право и люди обязаны повиноваться только властям законным.

Глава IV. О рабстве

Раз ни один человек не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то выходит, что основой любой законной власти среди людей могут быть только соглашения.

Глава VI. Об общественном соглашении

Поскольку люди более не могут оставаться в естественном состоянии, они должны найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силу личности и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде. Такова основная задача, которую разрешает Общественный договор.

Общественное соглашение сводится к следующим положениям: Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого. Этот организм называют *Государством*, когда он пассивен, *Сувереном*, когда он активен, *Державою* — при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя *народа*, а в отдельности называются *гражданами* как участвующие в верховной власти, и *подданными* как подчиняющиеся законам Государства.

Глава VII. О Суверене

Чтобы общественное соглашение не стало пустою формальностью, оно молчаливо включает в себя такое обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам: если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом.

Глава VIII. О гражданском состоянии

Этот переход от состояния естественного к состоянию гражданскому производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они ранее были лишены. Надо точно различать естественную свободу, границами которой является лишь физическая сила индивидуума, и свободу гражданскую, которая ограничена общей волей.

Глава IX. О владении имуществом

Для того чтобы узаконить право первой заимки на какой-либо участок земли, необходимы следующие условия: во-первых, чтобы на этой земле еще никто не жил; во-вторых, чтобы занято было лишь столько, сколько необходимо, чтобы прокормиться; в-третьих, чтобы вступали во владение землею не в силу какой-либо пустой формальности, но в результате расчистки и обработки ее — этого единственного признака собственности, который при отсутствии юридических документов должен быть признаваем другими.

Первоначальное соглашение не только не уничтожает естественное равенство людей, а, напротив, заменяет равенством как личностей и перед законом все то неравенство, которое внесла природа в их физическое естество; и, хотя люди могут быть неравны по силе или способностям, они становятся все равными в результате соглашения и по праву.

Книга 2

Глава I. О том, что суверенитет неотчуждаем

Суверенитет, который есть только осуществление общей воли, не может никогда отчуждаться и что суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля.

Глава II. О том, что суверенитет неделим

Суверенитет неделим, ибо воля либо является общею, либо ею не является; она являет собою волю народа как целого, либо — только одной его части. В первом случае это провозглашенная воля есть акт суверенитета и создает закон. Во втором случае — это лишь частная воля или акт магистратуры; это, самое большее, — декрет. Но наши политики разделяют суверенитет на силу и на волю, на власть законодательную и на власть исполнительную.

Глава III. Может ли общая воля заблуждаться

Люди всегда стремятся к своему благу, но не всегда видят, в чем оно. Часто существует немалое различие между волею всех и общею волею. Эта вторая блюдет только общие интересы; первая — интересы частные и представляет собою лишь сумму изъявлений воли частных лиц.

Глава IV. О границах верховной власти суверена

Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общею волей, носит, как я сказал, имя суверенитета. Как только речь заходит о каком-либо факте или частном праве на что-либо, не предусмотренном общим и предшествующим соглашением, то дело становится спорным.

Верховная власть не может переступать границ общих соглашений, и каждый человек может всецело распоряжаться тем, что ему эти соглашения предоставили из его имущества и его свободы; так что суверен никак не вправе наложить на одного из подданных большее бремя, чем на другого. Ибо тогда спор между ними приобретает частный характер и поэтому власть суверена здесь более не компетентна.

Глава VI. О законе

Предмет законов всегда имеет общий характер. Я разумею под этим, что Закон рассматривает подданных как целое, а действия — как отвлечение, но никогда не рассматривает человека как индивидуум или отдельный поступок. Таким образом, Закон вполне может установить, что будут существовать привилегии, но он не может предоставить таковые никакому определенному лицу; Закон может создать несколько классов граждан, может даже установить те качества, которые дадут право принадлежать к каждому из этих классов. Я называю Республикою всякое Государство, управляемое посредством законов.

Глава VII. О законодателе

Чем больше естественные силы иссякают и уничтожаются, а силы, вновь приобретенные, возрастают и укрепляются, тем более прочным и совершенным становится также и первоначальное устройство; так что, если каждый гражданин ничего собою не представляет и ничего не может сделать без всех остальных, а сила, приобретенная целым, равна сумме естественных сил всех индивидуумов или превышает эту сумму, то можно сказать, что законы достигли той самой высокой степени совершенства, какая только им доступна.

Когда [Ликург](#) давал законы своему отечеству, он начал с того, что отрекся от царской власти⁷⁵. В большинстве греческих городов существовал обычай поручать составление законов чужестранцам. Этому обычаю часто подражали итальянские Республики нового времени; также поступила Женевская Республика, и она не может пожаловаться на результаты. Тот, кто составляет законы, не имеет или не должен иметь какой-либо власти их вводить.

Глава VIII. О народе

У народов, как и людей, существует пора юности или, если хотите, зрелости, которой следует дожидаться, прежде чем подчинять их законам. Но наступление зрелости у народа не всегда легко распознать; если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал. Один народ восприимчив уже от рождения, другой не становится таковым и по прошествии десяти веков.

Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не

созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого.

Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются. Российская империя пожелает покорить Европу — и сама будет покорена. Татары, ее подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими повелителями. Переворот этот кажется мне неизбежным. Все короли Европы сообща способствуют его приближению.

Политический организм можно измерять двумя способами: протяженностью территории и численностью населения; и между первым и вторым из этих измерений существует соотношение, позволяющее определить для Государства подобающие ему размеры. Государство составляют люди, а людей кормит земля. Таким образом, отношение это должно быть таким, чтобы земли было достаточно для пропитания жителей Государства, а их должно быть столько, сколько земля может прокормить.

Ибо если земли слишком много, то охрана ее тягостна, обработка — недостаточна, продуктов — избыток; в этом причина будущих оборонительных войн. Если же земли недостаточно, то Государство, дабы сие восполнить, оказывается в полнейшей зависимости от своих соседей; в этом — причина будущих наступательных войн.

Глава XI. О различных системах законодательств

Если попытаться определить, в чем именно состоит то наибольшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законов, то окажется, что оно сводится к двум главным вещам: *свободе и равенству*. Вы хотите сообщить Государству прочность? Тогда сблизьте крайние ступени, насколько то возможно; не терпите ни богачей, ни нищих. Эти два состояния, по самой природе своей неотделимые одно от другого, равно губительны для общего блага.

Глава XII. Разделение законов

Чтобы упорядочить целое, или придать наилучшую форму государству, следует принять во внимание различные отношения. Во-первых, действие всего Организма на самого себя, т. е. отношение целого к целому, или суверена к Государству. Законы, управляющие этими отношениями, носят название политических законов и именуются также основными законами.

Второе отношение — это отношение членов между собою или же ко всему Организму. Оно должно быть в первом случае сколь возможно малым, а во втором — сколь возможно большим, дабы каждый гражданин был совершенно независим от всех других и полностью зависим от Гражданской общины. Из этого-то второго отношения и возникают гражданские законы.

Третий вид отношений — между слушанием и наказанием — ведет к установлению уголовных законов. Можно добавить четвертый род законов — нравы, обычаи и, особенно, мнение общественное.

Книга 3

Глава I. О правительстве вообще

Всякое свободное действие имеет две причины: одна из них — моральная, именно: воля, определяющая акт, другая — физическая, именно: сила, его исполняющая. У Политического организма — те же движители; в нем также различают силу и волю: эту последнюю под названием *законодательной власти*, первую — под названием *власти исполнительной*

Законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему. Правительство — посредствующий организм, установленный для сношений между подданным и сувереном, уполномоченный приводить в исполнение законы и поддерживать свободу как гражданскую, так и политическую. Я называю Правительством осуществление исполнительной власти согласно законам, а государем или магистратом человека или корпус, на которые возложено это управление.

Невозможно изменить ни один из трех членов, не нарушив сразу же пропорции. Если суверен захочет управлять или магистрат давать законы, или если подданные откажутся повиноваться, тогда на смену порядку приходит беспорядок, сила и воля перестают действовать согласно, и

распавшееся Государство делается, таким образом, добычею деспотизма или анархии. Но так как множество событий могут изменить те отношения, в которых выступает народ, то различные виды Правления могут быть хороши не только для различных народов, но и для одного и того же народа в различные времена. Правительство, чтобы отвечать своему назначению, должно быть относительно сильнее, когда народ более многочисленен.

Глава II. О принципе, определяющем различные формы правления

Отправление дел становится тем медлительнее, чем больше людей им занимается; возлагая слишком много надежд на благоразумие, недостаточно надеются на счастливый поворот судьбы; упускают благоприятные случаи и так много обсуждают, что часто теряют плоды обсуждения. Правительство ослабляется по мере того, как возрастает число магистратов.

Глава III. Разделение правлений

Суверен может, во-первых, вручить Правление всему народу или большей его части, так чтобы стало больше граждан-магистратов, чем граждан — просто частных лиц. Этой форме Правления дают название *демократии*. Или же он может сосредоточить Правление в руках малого числа, так чтобы было больше простых граждан, чем магистратов, и такая форма носит название *аристократии*. Наконец, он может сконцентрировать все правление в руках единственного магистрата, от которого получают свою власть все остальные. Эта форма называется *монархией*.

Вообще говоря, демократическое Правление наиболее пригодно для малых Государств, аристократическое — для средних, а монархическое — для больших.

Глава IV. О демократии

Если брать этот термин в точном его значении, то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет. Противно естественному порядку вещей, чтобы большое число управляло, а малое было управляемым. Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами.

Когда функции Правления разделены между несколькими коллегиями, то те из них, что насчитывают наименьшее число членов, приобретают рано или поздно наибольший вес и значение, хотя бы уже по причине того, что у них, естественно, облегчается отправление дел. Прибавим, что нет Правления, столь подверженного гражданским войнам и внутренним волнениям, которое столь сильно и постоянно стремилось бы к изменению формы или требовало больше бдительности и мужества, чтобы сохранять свою собственную.

Глава V. Об аристократии

Первые общества управлялись аристократически. Молодые люди без труда склонялись перед авторитетом опыта. Но по мере того, как неравенство, создаваемое первоначальным устройством, брало верх над неравенством естественным, богатство или могущество получали предпочтение перед возрастом, и аристократия стала выборной. Наконец, поскольку власть стала передаваться вместе с богатством от отца к детям, то и Правление сделалось наследственным. Таким образом, есть три рода аристократии: природная, выборная и наследственная. Первая пригодна лишь для народов, находящихся в начале своего развития; третья представляет собою худшее из всех Правлений. Вторая — лучше всех.

Глава VI. О монархии

Существенный и неизбежный недостаток, который при всех условиях ставит монархическое Правление ниже республиканского, состоит в том, что при втором из них голос народа почти всегда выдвигает на первые места людей просвещенных и способных; тогда как те, кто достигает успеха в монархиях, это чаще всего мелкие смутьяны, ничтожные плуты, мелочные интриганы. Народ гораздо реже ошибается в выборе такого рода, чем государь.

Самый ощутимый недостаток Правления одного человека — это отсутствие той непрерывной преемственности, которая при двух других формах Правления образует непрерывную связь. Выборы создают опасные перерывы, и то спокойствие, которым пользуются под властью королей, горше смуты междуцарствий. Дабы предотвратить эти бедствия, делали корону наследственной, заменив неудобствами регентств неудобства выборов, и риск получить в качестве правителей

детей, чудовищ, слабоумных, лишь бы избежать споров о том, как лучше выбирать хороших королей.

Глава VIII. О том, что не всякая форма правления пригодна для всякой страны

Места неблагоприятные и бесплодные, где урожай не стоит труда затраченного, чтобы его получить, должны оставаться невозделанными и пустынными или заселенными разве только дикарями. Там, где труд людей приносит только самое необходимое, могут обитать лишь варварские народы: никакой гражданский порядок не был бы там возможен. Места, где урожай, по сравнению с затраченным трудом, имеет средние размеры, подходят для свободных народов. Те места, где обильная и плодородная почва дает большие урожаи при небольшой затрате труда, требуют монархического управления, чтобы роскошь государя поглощала чрезмерные излишки у подданных.

В силу особенностей климата деспотизм пригоден для жарких стран, варварство — для холодных, а наилучшее правление — для областей, занимающих место между теми и другими.

Глава IX. О признаках хорошего правления

Что до меня, то я предпочитаю следующий простой признак — численность населения и ее рост. Правление, когда без сторонних средств, без предоставления права гражданства, без колоний граждане плодятся и множатся, есть, несомненно, лучшее. Правление, при котором народ уменьшается в числе и оскудевает, есть худшее.

Глава X. О злоупотреблении властью и о ее склонности к вырождению

Есть два общих пути, по которым всякое Правительство может перерождаться, именно: когда оно сосредоточивается или, когда Государство распадается. Правительство сосредоточивается, когда число его членов уменьшается, т. е. когда оно превращается из демократии в аристократию и из аристократии в монархию. Такая склонность заложена в нем от природы.

Распад Государства может произойти двумя путями. Во-первых, когда государь больше не управляет Государством сообразно с законами и когда он узурпирует верховную власть. То же происходит и тогда, когда члены Правительства в отдельности присваивают себе власть, которую они должны осуществлять лишь сообща. Когда Государство распадается, то злоупотребление Властью, какова бы она не была, получает общее название *анархии*. В частности, демократия вырождается в *охлократию*, аристократия — в *олигархию*, монархия — в *тиранию*.

Глава XII. Как поддерживается верховная власть суверена

Надо, чтобы были собрания регулярные, периодические, созыв которых ничто не могло бы ни отменить, ни отсрочить, так, чтобы в назначенный день народ на законном основании созывался в силу Закона, без того, чтобы для этого необходима была еще какая-нибудь процедура созыва.

Если невозможно свести размеры Государства до наилучшей для него величины, то остается еще одно средство: не допускать, чтобы оно имело столицу; сделать так, чтобы Правительство имело местопребывание попеременно в каждом городе и собирать там поочередно Штаты страны.

Заселите равномерно территорию, распространите на нее всю одни и те же права, создайте в ней повсюду изобилие и оживление, — именно таким образом Государство делается сразу и наиболее сильным и лучше всего управляемым. Помните, что стены городов возводятся из обломков домов деревень. При виде каждого дворца, возводимого в столице, я словно вижу, как разоряют целый край.

Глава XV. О депутатах или представителях

Как только служение обществу перестает быть главным делом граждан, и они предпочитают служить ему своими кошельками, а не самолично, — Государство уже близко к разрушению. Нужно идти в бой? — они нанимают войска, а сами остаются дома. Нужно идти в Совет? — они избирают Депутатов и остаются дома. Как только кто-либо говорит о делах Государства: что мне до этого? Следует считать, что Государство погибло.

Суверенитет не может быть представляем по той же причине, по которой он не может быть отчуждаем. Он заключается, в сущности, в общей воле, а воля никак не может быть

представляема. Понятие о Представителях принадлежит новым временам. В древних Республиках и даже в монархиях народ никогда не имел Представителей.

Глава XVIII. Способы предупреждать захват власти

Акт, учреждающий Правительство, — это отнюдь не договор, а закон; блюстители исполнительной власти не господа народа, а его чиновники; что он может их назначать и смещать, когда это ему угодно, что для них речь идет вовсе не о том, чтобы заключить договор, а о том, чтобы повиноваться; и что, беря на себя должностные обязанности, которые Государство возлагает на них, они лишь исполняют свой долг граждан, не имея никоим образом права обсуждать условия.

Периодические собрания способны предупредить или отсрочить узурпацию власти. Открытие этих собраний, которые имеют целью лишь поддержание общественного договора, всегда должно производиться посредством двух предложений, которые нельзя никогда опускать и которые ставятся на голосование в отдельности. Первое: Угодно ли суверену сохранить настоящую форму Правления. Второе: Угодно ли народу оставить управление в руках тех, на кого оно в настоящее время возложено.

Книга 4

Глава II. О голосованиях

Чем важнее и серьезнее решения, тем более мнение, берущее верх, должно приближаться к единогласию; чем скорее требуется решить рассматриваемое дело, тем меньшей должна быть разница, требуемая при разделении голосов: для решений, которые должны быть приняты немедленно, перевес в один только голос должен быть признан достаточным.

Глава III. О выборах

Что до выборов государя и магистратов, то здесь есть два пути, именно: избрание и жребий. И тот, и другой применялись в разных Республиках.

Глава VI. О диктатуре

В Риме Диктаторы, оставаясь таковыми лишь на шесть месяцев, отказывались большей частью от этой должности еще до истечения срока. У Диктатора было лишь время, чтобы распорядиться в отношении того крайнего случая, который сделал необходимым его избрание; у него не было времени помышлять о других планах.

Проект конституции для Корсики

Часть первая

Выгодное положение острова Корсика и счастливый нрав его жителей, казалось бы, дают им разумную надежду на то, чтобы стать процветающим народом и занимать подобающее им положение в Европе. Но крайнее истощение, в которое их ввергли сорок лет непрерывных войн,² нынешняя бедность их острова, его безлюдность и опустошенность не позволяют сейчас же ввести у себя разорительное управление, такое, какое было бы нужно для того, чтобы создать отвечающий этой цели твердый порядок.

Остров Корсика не может увеличить свои денежные богатства, поэтому он должен стремиться стать богаче людьми. Чтобы умножить число людей, нужно умножить сумму средств к их существованию; отсюда — земледелие. Форма Правления, которую нам следует избрать, не будет дорогостоящей, потому что Корсика бедна. Управление, которое обходится дешевле всего, это — такое управление, которое имеет меньше всего ступеней и требует наименьшего числа различных разрядов: это, в общем, — строй республиканский, и, в частности, — демократический.

Правда, Правление чисто демократическое подходит скорее для небольшого города, чем для нации. Невозможно собрать в одном месте все население страны. Для Корсики подходит

² В 1729 корсиканцы недовольные генуэзским правлением взялись за оружие. Генерал Паскаль Паоли стал главой первого в истории Корсики независимого правительства, к 1764 ограничив власть генуэзцев лишь четырьмя приморскими городами во главе с Бастией. Вдохновленный передовыми идеями французских философов, Паоли ввел на острове конституцию, наделявшую всех мужчин старше 25 лет правом избирать своих представителей в Административный Совет. Это был первый опыт всеобщего избирательного права в Новой истории Европы (см. [Корсика](#)).

смешанное Правление, то есть такое Правление, когда народ собирается вместе лишь по частям и когда блюстители его власти часто сменяются.

Города и их жители не должны сохранить никаких особых привилегий. Но если города вредоносны, то столицы приносят вред еще больший; столица — это бездна, в которой почти вся нация теряет свои добрые нравы, законы, свое мужество и свободу.

Я думаю, что, корсиканскую нацию можно разделить на три класса: *граждан, патриотов и соискателей*. Все те, кто принесут торжественную клятву, в возрасте старше 20 лет все без изъятия должны быть записаны в число граждан. Все те, рожденные на острове, кто еще не достиг этого возраста, останутся в классе соискателей. Всякий соискатель, вступивший в законный брак и владеющий каким-нибудь наделом, независимо от приданого его жены, будет записан в класс патриотов. Всякий патриот, женатый или овдовевший, у которого будут двое детей, собственное жилище и земельный надел, достаточный для его прокормления, будет записан в класс граждан.

Я столь уверенно считаю всякую торговую систему разрушительною для сельского хозяйства, что не исключаю отсюда даже торговлю съестными припасами, которые суть продукт сельского хозяйства. Для того чтобы сельское хозяйство могло продержаться при этой системе, нужно, чтобы прибыль можно было разделить поровну между торговцем и земледельцем. Но это-то и невозможно; потому что первый по своему желанию занимается торговлей, второй же — к этому занятию вынуждается, и в силу этого первый будет всегда диктовать свои условия второму: это отношение, нарушающее равновесие, не может создать положения прочного и устойчивого.

Не следует представлять себе, что остров станет богаче, когда у него будет больше денег. Я думаю, что при содействии Государства торговля может большей частью производиться путем обмена. Можно было бы установить в каждом приходе или же в каждом главном городе провинции общественный реестр по двойной системе ведения счетов, в которой частные лица записывали бы каждый год, с одной стороны, тот вид и то количество продуктов питания, которые у них в избытке, а с другой стороны — те продукты, которых им не достает. По балансу и сопоставлению этих реестров, которые велись бы в каждой провинции, можно было бы так определить цену продуктов и меру вывоза, что каждый приход обеспечивал бы потребление своих излишков и приобретение того, что ему нужно, так что не было бы ни недостатка, ни избытка в количестве необходимого и все это делалось бы столь удобным образом, как если бы сам урожай соразмерялся с нуждами каждого прихода.

Как только произведения земли перестанут быть товаром, их выращивание мало-помалу соразмерится в каждой провинции и даже в каждом наследственном владении с общими потребностями этой провинции и частными потребностями земледельцев. Каждый будет стараться, обрабатывать свое поле, получить всё, что ему необходимо, натурою, а не путем обмена, который всегда будет менее надежен и менее удобен, насколько бы он ни был упрощен.³

Часть вторая

Всякий ребенок, рожденный на острове, будет гражданином и членом Республики, когда он достигнет определенного возраста, в соответствии с постановлениями; и никто не сможет стать таковым иначе, как этим способом.

Всякий корсиканец, который, достигнув полных сорока лет, не женится и никогда не состоял в браке до этого, будет лишен права гражданства на всю жизнь.

На каждого ребенка, который будет следовать за пятым, отцу будет выделен общиной надел.

Все законы о наследовании должны быть направлены к тому, чтобы приводить все к равенству таким образом, чтобы каждый имел кое-что, и чтобы никто не имел ничего излишнего.

Никого нельзя будет заключать в тюрьму за долги; и даже в случае конфискации, которые могут иметь место в домах какого-либо должника, ему будут оставлены, помимо одежды, чтобы прикрыть тело, его плуг, волю, постель и самая необходимая утварь.

На острове не будет ни одного экипажа.

³ К сожалению, натуральное хозяйство веден к снижению производительности, а, следовательно, к обнищанию. — Прим. Багузина.

Всякий холостяк, который женится до того, как ему исполнится двадцать лет, или только после того, как ему исполнится тридцать, или который женится на девице, еще не достигшей пятнадцати лет, или же на девице или вдове, возраст которой будет отличаться от его возраста более, чем на двадцать лет, будет исключен из сословия граждан, если только он не зачислен в это сословие в воздаяние за службу Государству.

Больше всего мошенничеств оказывается именно в тех делах, в которых больше всего реестров и счетных книг.

Это великолепное средство научить все подчинять Закону. — когда все видят, как возвращается к частной жизни человек, которого столь уважали, когда он был в должности; и для него самого уверенность в том, что он когда-нибудь опять станет частным человеком преподает ему великий урок блюсти права частных лиц.

Благородный народ! Я хочу дать вам вовсе не искусственные и систематизированные законы, изобретенные людьми; но привести вас к одним только законам природы и порядка, которые повелевают сердцу и не насилуют желаний.